

ГОСУДАРСТВО КАК СОБОРНАЯ ЛИЧНОСТЬ В КОНЦЕПЦИИ ВСЕЕДИНСТВА Л.П. КАРСАВИНА

Один из идеологов евразийства Л.П. Карсавин считал государство соборной, или симфонической личностью и рассматривал его в рамках культуры [1, с.260]. Последняя понималась им как органическое единство материальных и духовных достижений человечества, структурирующим элементом которой является нравственность. С этой точки зрения, государство есть живое и духовно-личное единство культуры. С этим вполне согласен М. Ларюэль, считающий: «Государство, как форма организации культурной и национальной жизни, также является симфонией. Каждое симфоническое объединение будет государственным в том смысле, что оно сможет реализовать себя только в рамках этого всеединства, юридического воплощения культуры» [2, с.83].

Л.П. Карсавин предложил обозначать культуру термином «политика», вкладывая в последний смысл «огосударственного целого» [3, с.110]. Тем самым снимается противоречие между обществом и государством, как элементами или качественными признаками определенного культурного организма.

Мы не можем не согласиться с этим, более того, на наш взгляд, именно культурное развитие до определенного времени определяло развитие государства, и лишь после того, как последнее достаточно окрепло, перестало это делать. Точнее, культура уже не смогла управлять государством, которое поставило ее себе в услужение – заключило в рамки идеологии и политики. Культура, взятая как единое целое, не есть механическая совокупность или систематизация неких «самостоятельных» сфер – социальной, экономической, духовной и т.д. Так же мы не можем выводить из культуры все сферы государственной жизни, несмотря на то, что они находятся под сильным влиянием культуры.

Для обозначения учения о культуре как о целом Л.П. Карсавин выбрал термин «политика». Последняя же, по мнению философа, «строится не на индивидуалистски-материалистических и не на бездейственно-релятивистических предпосылках и гипотезах, а на философском учении о личности (просопологии или персонологии)» [3, с.111]. А уже из учения о личности определяется природа и строение субъекта культуры, то есть государства как соборной личности. Государственность есть форма, определяющая личное бытие этого субъекта, а также органичность культуры, смысл духовного и материального творчества культуру-субъекта. Немаловажным является отношение государства как культуру-субъекта к собственному самосовершенствованию, возможному посредством религиозно-нравственной деятельности и права.

Субъект культуры, т.е. государство, определяет смысл своего существования культурными ценностями, которые оно хранит и видоизменяет. Данные

личности составляют органическое единство, которое мы называем «культура». Мы уже говорили о том, что культура не есть сумма или система ценностей, но их органическое единство, предполагающее наличие некоторого субъекта, который их создает, хранит и развивает, который сам в них и только в них развивается. В связи с этим евразийство призывало человека окончательно определиться со своими ценностями. «Евразийство требует последовательного освобождения от идейных влияний европейской капиталистической культуры, - безразлично, преподносятся ли влияния эти в форме буржуазной или в форме коммунистической» [4, с.329]. Либо это будут материальные блага, либо внутреннее совершенствование.

Л.П. Карсавин особо подчеркивает взаимосвязь и взаимозависимость индивидуума и соборного субъекта: «Соборный или симфонический субъект есть действительность, не меньшая, чем индивидуум, но даже большая» [3, с.112]. «Индивидуум» понимается не в виде замкнутого в себе целого. Человек «индивидуален», так как специфически, особенно выражает и осуществляет целое, некое сверхиндивидуальное сознание и волю. Индивидуальная личность есть момент личности соборной, или «социальной». Говоря об этом, А. Игнатов замечает: «... имеющаяся трудность Карсавиным осознана и отмечена: «социальная личность» не существует независимо от отдельных индивидов, она существует в себе как «чистая потенция», и ее сознание и воля актуализируются только через отдельных индивидуумов. Из этого получается, что «социальная личность не имеет той же степени реальности как отдельные индивиды – следствие, которого русский философ не видит» [5, с.50].

Здесь необходимо разграничить такие понятия как «соборное» и «коллективное». Коллектив отрицает индивидуальность своих членов, и ограничивает их. Хотя, по мнению К. Маркса, «индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни – даже если оно не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими...» [6, с.119]. Соборное же целое является сферой индивидуального бытия, и является выражением множества и единства, то есть взаимной согласованности индивидуумов. С этой точки зрения единство понимается не просто как единство, но как единство, выражающееся во множестве. Н.А. Бердяев прямо указывал на то, что «соборность, как духовная общность, находится в субъекте, не объекте, означает качество субъекта, раскрытие в нем универсальности. Объективация соборности, перенесение ее на социальные институты всегда означало рабство. Прельщение и рабство коллективизма есть не что иное, как перенесение духовной общности, коммюнитарности, универсальности с субъекта на объект...» [7, с.198].

Как же можно определить соборное государство? Государство есть соборная, или симфоническая личность, как конкретное всеединство всех индивидуализирующих его социальных групп, а каждая из них есть всеединство составляющих, индивидуализирующих ее конкретных индивидуумов. По словам Л.П. Карсавина: «... я познаю данную личность, как один из моментов выс-

шей личности, всеедино-конкретной, и познаю последнюю, которая ведь тоже – момент высшей» [8, с.168]. Н.А. Бердяев возражал на это: «Государство не личность, не есть существо, не есть организм, не есть сущность (essentia), оно не имеет своего существования, существование всегда находится в людях, в людях находятся экзистенциальные центры» [7, с.142]. М.Ю. Шишин вообще склонен относить «симфоническую» (соборную) личность к ноосфере, что, на наш взгляд, требует дополнительного изучения [9, с.51]. Далее, познавая государство как субъект культуры, мы познаем и саму культуру, которая является всеедино-конкретной, и не может существовать вне своих элементов. Государство как всеединое состоит из нескольких индивидуализаций-личностей, каждая из которых по-особому качественно, т.е. выполняет определенную хозяйственную, социальную или политическую функции, а также обладает религиозным и идеологическим содержанием. Качественности одних социальных групп взаимодействуют с качественностями других, что предполагает их единство. Всякое же качественное, при всем отличии своем от других, является индивидуализацией общего – государственного или народного.

Государство, как эмпирический субъект, является несовершенным. Эмпирически ни один соборный субъект не достигает полного единства, не может стать «симфоничным» до конца. Государство, в этом отношении, является согласованностью, притом неполной. По мнению М.Г. Вандакковской: «симфоничность», «согласованность» часто достигается путем ожесточенной борьбы личностей, групп, народов, индивидуумов, их эгоистическим самоутверждением» [10, с.20]. Последнее является обязательным для субъекта, который и абсолютно един, и абсолютно множествен. Эмпирическое существование есть лишь момент бытия соборного субъекта, к тому же несовершенный. Эмпирически государство ни есть ни единство, ни множество. Государственная жизнь связывается тогда с борьбой и насилием. В эмпирическом существовании индивидуум отделяется от других и от целого, стремясь стать самоцелью. Индивидуум не признает целого, и считает его выражением собственного, «единичного» существования. Государству необходимо преодолевать подобную эмпирию, иначе оно рискует погибнуть. По мнению Л.П. Карсавина, в эмпирической действительности, несовершенной по своей сути, индивидуум тяготеет к низшим сферам своего «Я». «Он стремится замкнуться в сфере своих эгоистических интересов, из нее оценивая другие индивидуальные сферы и целое, в нее стараясь вобрать и превратить все остальное» [3, с.114]. В соборном же субъекте, напротив, индивидуум-личность является носителем «прочной» основы целого, и способен на самопожертвование в ущерб собственным интересам. В государстве необходимы границы индивидуально-эгоистических интересов, внутренние или внешние, иначе индивидуум в несовершенстве своем может разрушить целое и уничтожить других индивидуумов, а значит, и самого себя. Этими границами является право, которое ограждает и сохраняет индивидуальное бытие.

Государство, как субъект развития, как всеединство, неповторимо и абсолютно ценно, потому что оно является реальным качеством всеединства. Элементы государства становятся им посредством всеединства, а само государство становится ими. Государство есть всеединство, становящееся центром, а всякий его элемент есть качество всеединого субъекта – государства. Всякий элемент всеединого государства индивидуализируется в определенном качестве, не исключая при этом индивидуализации другими элементами.

Главный вывод заключается в том, что целое не существует само по себе, но только посредством индивидуумов, в самих индивидуумах, а также в некотором всепространственном всеединстве индивидуумов, являющихся его моментами, и выражающих это целое каждый по-своему. Следовательно, раз существует целое, то существует и составляющее его множество, выражающее это целое. Множество состоит из индивидуумов, каждый из которых существует как свободно осуществляющее себя целое. Таким образом, целое есть не сумма индивидуумов, а их органическое единство. Подобное евразийское понимание сфер целого и его элементов одинаково отлично и от индивидуализма, и от коллективизма.

Государство как соборная личность является всеединством входящих в нее низших соборных личностей. Мы можем сказать, что бытие соборной личности растворено в ее индивидуациях, и в них же оно получает возрождение. Подобное всеединство возможно только при полной самоотдаче, когда часть совпадает с целым, качественно отлична от других частей и необходима для целого. По словам Н.В. Шарковской, ценность симфонической личности создает «условия для сохранения национального потенциала общества» [11, с.44]. Однако, по словам Л.П. Карсавина, «эмпирически соборная личность (а следовательно, и всякая ее индивидуация) не обладает полнотою своего единства (а также и полнотою своего множества). Поэтому-то эмпирически она и не всеединство, но только согласованность, притом неполная, т.е. соотносительная несогласованности или раздору» [3, с.116]. И если эмпирически каждая индивидуальная личность стремится к обособленности, то такие же тенденции присущи и соборной личности как целому. Во всякой соборной личности, в зависимости от ее иерархического положения в целом, будь то семья, социальная группа, нация или государство, как культуру-субъект, всегда должен быть преимущественный носитель и выразитель целостности и единства. И если в низших, или малых соборных личностях, таких как семья или социальная группа, таким преимущественным носителем является одно лицо – отец, старший брат или старейшина, то в больших соборных личностях носители единства сами являются некоторыми соборными личностями, например, совет старейшин, президиум, или в государстве – правящий слой.

Л.П. Карсавин определяет необходимую социальную дифференциацию во всякой культуре как едином целом [3, с.117]. В результате из народа, в качестве носительницы и выразительницы единого целого, выделяется некая со-

циальная группа, нетождественная другим индивидуациям целого, но в то же время выражающая их интересы. Эта группа есть правящий слой. Между ним, как выразителем интересов государства, и индивидуациями государственного целого – малыми соборными личностями и индивидуумами, неизбежна борьба за разграничение их сфер. Проще говоря, происходит раздел мест в иерархической структуре государства. Несомненно, что в эмпирически несовершенном государстве несовершенен и правящий слой. Но каким бы он ни был, он необходим для выражения интересов целого.

Соборная личность – государство, также эмпирически несовершенно. Причиной подобного несовершенства евразийство считает эгоистическое самоутверждение всякой индивидуации целого, то есть всех осуществляющих данное государство малых соборных личностей и индивидуумов [3, с.118]. Н.А. Бердяев прямо высказывался о том, что «государство существует для человека, а не человек для государства» [7, с.146]. Эгоистическое самоутверждение есть качество, присущее не только индивидуациям, но и высшему соборному субъекту. Действительно, государство как соборная личность эгоистически обособляется от других государств и утверждает себя в борьбе с ними. Даже человечество, как высший соборный субъект, противопоставляет себя миру природы. Л.П. Карсавин идет дальше, и считает, что эгоистическое самоутверждение человечества является самозамыканием и разъединением с Богом, ведущее к потере любви. «Существо любви в отказе от всего “своего”, от себя самого ради других, в свободной жертве, в самоотдаче», – пишет Л.П. Карсавин [3, с.118]. Только преодолевая себя, свое ограниченное эгоистически-личное бытие, человек становится истинной личностью. Самоотдача происходит при общении с другими людьми. Единство же личности заключается в сверхиндивидуальном личном единстве, которое сама личность индивидуализирует. Самоотдача характерна и для соборной личности. Важно помнить, что «самоутверждение» и замыкание в себе одинаково плохо и для индивидуума, и для социальной группы, и для государства. Развитие же идет только посредством самоотдачи.

Единое мировоззрение характерно как для всей группы, так и для каждого ее члена, качеству в них по-особому. Действительно, если бы у всех были отличные друг от друга мировоззрения, о социальном общении не могло бы идти и речи. Организация же социальной группы возможна тогда, когда в мировоззрении и сознании членов этой группы наличествует сама идея организации.

Историческая коллективная индивидуальность должна всецело развиваться, выразив себя в многообразных качествах тех индивидуумов, в которых она осуществляется. «Итак, понятие группы ... оказывается понятием всеединства», – подводит итог Л.П. Карсавин [8, с.129].

Евразийство считало, что субъект культуры дифференцируется на ряд частных соборных субъектов по принципу функционального различия их качествований [3, с.124]. Последние могут быть выражены в сферах культуры, основными из которых являются следующие. Первой является сфера государ-

ственная или политическая, в которой осуществляется единство культуры и личное бытие ее субъекта. Вторая представляет собой сферу духовного творчества, или духовной культуры. И, наконец, третья, низшая сфера принадлежит материальной культуре. Все три сферы различимы друг от друга и находятся в иерархическом порядке, который определяется их значением в культуре, как целом, а следовательно и в государстве, как культуросубъекте.

Низшее место принадлежит материальной сфере, определенной отношением субъекта культуры и его индивидуаций к миру природы, и использованием последнего ради «высших духовных заданий культуры, причем в эти высшие задания входит и одухотворение ... самой природы» [3, с.125]. На наш взгляд, ценности материально-культурной сферы достаточно легко поддаются определению вследствие отсутствия внутренних связей, некой разьединенности. Но эти ценности не есть исключительно материальные, потому как и духовные ценности могут быть материально опосредованы.

Следующая сфера – духовного творчества, определяется тем, что в ней все истинное, к коему относится и природа, осуществляется через отнесение к идеалу культуры и ее ценностям. Сфера духовного творчества есть сфера свободного самопознания государства как культуросубъекта, и его индивидуаций. Однако Л.П. Карсавин, к примеру, утверждал, что вне церкви и религии духовное творчество ограничено, дезорганизовано и индивидуалистично. На это Е. Инкарбаев замечал, что «государство в теоретических построениях евразийцев поднимало себя как Церковь и подменяло ее» [12, с.11]. Н.О. Лосский вообще высказывал мысль о том, что система «всеединства» Л.П. Карсавина носит пантеистический характер. По словам философа: «Пантеистический характер системы Карсавина обнаруживается в том, что в ней отношение между богом и космическим процессом является в некотором роде игрой бога с самим собой» [13, с.384]. На наш взгляд, главное отличие от пантеизма в том, что личность, какая бы она не была, несовершенна и преходяща, а Бог совершенен и вечен.

На первом месте среди сфер культуры стоит государственная сфера, преимуществом выразителем и субъектом которой является правящий слой. Государственная сфера культуры, при этом, по мнению М.З. Изотова, служила «интеграционным принципом всей европейской социокультурной системы» [14, с.95]. Вероятно, поэтому евразийство обвиняли в «этатизме», рассматривая государственную сферу с точки зрения демократического понимания государства. Н.А. Бердяев писал: «Своим этатизмом, своей мечтой о совершенной организации жизни через государство, евразийцы порывают с традициями нашей национально-религиозной мысли, порывают с славянофилами и Достоевским, и, в сущности, как это ни странно, вступают на путь европеизации и американизации России» [15, с.202]. Похожей точки зрения придерживается и Э.А. Баграмов, считающий, что евразийцы абсолютизировали государство как вершителя судеб народа. По его мнению, «такой этатистский подход легко мог привести к разновидности тоталитарно-технократического государства» [16, с.64].

На наш взгляд, подобное понимание исходит из природы государственности и отношения ее к другим сферам. Первенствующим значением государственная сфера обладает, потому что через нее и в ней осуществляется и выражается единство всех сфер. Это положение также не бесспорно, и ему противопоставляется тезис об абсолютизации государства. Как справедливо замечает А.С. Балгимбаев: «Монизм в понимании государства, отрицание принципа разделения духовной и политической власти, церкви и государства, неизбежно оборачивается всесилием государства, поглощением культуры государством как интегрирующим началом» [17, с.6]. Благодаря политической организации получают выражение и оформление сознание и воля соборного субъекта, а сам он приобретает подлинное личное бытие. Итак, государство мы можем определить как форму личного бытия, и личное качественное бытие культуры. Следует заметить, что соборное «сознание» государства содержит в себе всякое свое индивидуальное выражение. Индивидуальное же сознание может лишь выражать соборное «сознание», но не исчерпывающим образом.

Государство не является чем-то завершенным, тем более итогом культурного развития. Вслед за евразийством мы утверждаем примат культуры над государством, как культуру-субъектом. Государство взаимодействует с культурой, будучи ее «орудием», через которое сама культура творит и действует. Если же мы примат культуры заменим приматом государства, это приведет к расширению политической сферы, а следовательно, к умалению культуры. Необходимо также учитывать евразийский отказ от культурного «европоцентризма». Как писал П.Н. Савицкий: «... отрицание универсалистского восприятия культуры, которое господствует в современных «европейских» понятиях... Именно это универсалистское восприятие побуждает европейцев огульно квалифицировать одни народы как «культурные», и другие как «некультурные»...» [18, с.83]. И только посредством этого достижимо подлинное «братство» народов, «симфоничность» их культур.

Итак, государство является по отношению к культуре вторичным, это только форма ее личного бытия. По словам Л.П. Карсавина: «Оно не должно стеснять свободного саморазвития культурно-народной или культурно-многонародной, как Россия-Евразия, личности, в себе и через себя открывая ей путь для свободного выражения и осуществления ее воли» [3, с.128]. Государство направляет развитие культуры, но направляет как культуру-субъект, выразитель ее воли и творческой деятельности. Как верно замечает М.Г. Вандаковская, «... основополагающий евразийский тезис: подмена примата культуры приматом государства и вера в его единospасающее значение ведут к непомерному расширению политической сферы и к вредному формализму» [10, с.47-48].

Попытаемся проанализировать индивидуально-личную и соборную активность в государстве. Индивидуум реагирует на происходящие вокруг события единично-индивидуально. Точно так же он осознает свои цели, осуществляя их посредством индивидуальных актов. Любой же акт и реакция государства как

соборной личности не являются индивидуальными, но есть согласование множества индивидуальных актов, каждый из которых хотя и индивидуален, но, тем не менее, объединен с другими в целое. Конечно, эмпирически такое объединение несовершенно, и не может протекать без борьбы и насилия. В то же время каждый акт государства должен быть и единичным. В противном случае невозможно взаимодействие соборных личностей, невозможно осознание соборных актов индивидуумами, тем более невозможно осознание последними своей принадлежности соборной личности.

Определенность и единичность акта государства как соборной личности достигается следующим образом. Из множества индивидуумов, составляющих данную соборную личность, и склонных действовать так, что их единичные акты выражают акт соборной личности, органически вырастает правящий слой. Правящий слой находится в неразрывной связи с народом, выражает его сознание и волю. В то же время правящий слой сам становится некой соборной личностью, обладающей единством мировоззрения и организации. Так же органично правящий слой порождает правительство. Последнее, по словам Л.П. Карсавина, «благодаря своему организованному единству и количественной ограниченности своего состава, способно к определенным единичным актам» [3, с.129].

Сделаем вывод. Государственностью евразийство считает единство большой соборной личности, будь то культуру-субъект или нация. Государственным считается все, в силу своего отношения к единству и органической включенности в целое. Государство есть внешняя форма этого единства и преимущественная сфера его выражения. Государство есть соборная личность, осуществляющая же соборную волю. Евразийство предполагало несколько моментов существования государства [3, с.129-130]. Первым из них является существование преимущественного субъекта государственности, то есть правящего слоя. Вторым признает необходимость организации, как формы бытия и деятельности правящего слоя. Третий признает организационные формы, определяющие отношение государства как соборной личности к частным соборным субъектам, и в конечном итоге, к индивидуумам. Наконец, четвертый момент очерчивает область деятельности правящего слоя, выражающуюся в его суверенной власти, а также внешние пределы ее действия, или территорию.

Евразийство признавало важность государственного управления в нахождении наилучших форм взаимодействия между «индивидуально-личным» и «общим» в правительстве, и в нахождении форм, обеспечивающих нормальное взаимодействие правительства, правящего слоя и народа. К тому же, евразийство считало государство не целью, но лишь формой и средством для раскрытия культурой ее идеи и ценностей [3, с.131]. Культура определяет государственность, и само государство существует не ради «демократии» или «аристократии», когда хорошо либо «всем» либо «лучшим», а для того, чтобы осуществилась идея культуры. Л.П. Карсавин писал: «Государство должно быть идеократическим,

идеократией; условием же идеократии является демотичность власти» [3, с. 131]. «Демотичность» евразийской модели государственного устройства определяется тем, что «практическая жизнь» ставится в центр политического внимания, а задачей государства (названного Н.Н. Алексеевым «гарантийным»), сводится к обеспечению структур государственного управления компетентными специалистами. Такое государство выражает свою идеократичность в четком формулировании поставленной цели, как вектора развития. Большой вклад в раскрытие природы идеократии сделал Н.С. Трубецкой.

Государственное устройство есть сфера единства всей культуры, ее органической связи с другими сферами, а также первенствующего положения среди них. Подобное единство, по мнению Г.Г. Соловьевой, «которое бы не подавляло и не ассимилировало качественное своеобразие, но, напротив, осуществлялось именно благодаря сбережению такого своеобразия» [19, с.79].

В государстве находит свое выражение личное бытие культуросубъекта, составляющих его малых соборных личностей и индивидуумов. Не принимая западного индивидуализма, государство должно способствовать актуализации и самовыражению как индивидуальной, так и соборной личности. Всякая личность же достигает своего раскрытия как часть высшей соборной личности. Соответственно, через иерархический ряд личностей, в котором каждая высшая есть согласование низших, личность может стать действительной частью целого, коим является культура.

На наш взгляд, таким образом преодолевается индивидуализм и противопоставление государства и индивидуумов, как единственных выразителей социального целого. Общество и государство перестают быть противниками, наоборот, государство находит свою основу не в индивидуумах, а в первичных социальных группах, малых соборных личностях. Они, будучи элементами целого, коим является соборное государство, объединяют индивидуумов и политически, и юридически, и культурно. Это не означает отрицания «индивидуума» как такового. Наоборот, это дает возможность индивидууму не обособляться, погибая в борьбе против всех, а нормально развиваться, становясь самостоятельной и личной индивидуацией государства, как высшей личности. К тому же индивидуум находится под защитой малой соборной личности – социальной группы, к которой он принадлежит. Это наполняет свободу индивидуума положительным содержанием, так как его деятельность направлена не на себя одного, но на всех, на развитие целого, которое предполагает и собственное саморазвитие индивидуума.

Государство, индивидуацией которого является индивидуум, не является для последнего чем-то отвлеченным и далеким, напротив, нечто созидующим и конкретно переживаемым им. Государство есть личность благодаря иерархическому строению общества, и благодаря вхождению низших индивидуаций – индивидуумов и социальных групп – в высшие. Например, П. Струве писал, что «всякое сложившееся государство есть как бы некая личность, у которой

есть свой верховный закон бытия» [20, с.787]. Народ также является иерархическим организмом, в котором всякое целое составлено из низших целых, берущих от этого целого жизненное начало. Любое единство, на наш взгляд, должно быть единством государственным, выраженным как государство, и через него. Конечно, с позиций европейской демократии подобное понимание государства именуется «этатизмом», но любое европейское государство, если бы оно захотело прийти к соборному устройству, руководствуясь принципами демократии, пришло бы только к деспотизму.

Литература

1. *Гулыга А.В.* Творцы русской идеи. – М., 2006.
2. *Ларюэль М.* Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. – М., 2004.
3. *Карсавин Л.П.* Основы политики // Мир России – Евразия: Антология. – М., 1995. – С.110-154.
4. Евразийство и коммунизм // *Вернадский Г.В.* Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. – М., 2005. – С.317-337.
5. *Игнатов А.* «Евразийство» и поиск новой русской культурной идентичности // Вопросы философии. – 1995. – № 6. – С.49-64.
6. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е издание. – М., 1974. – С.41-174.
7. *Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе человека // *Бердяев Н.А.* О назначении человека. О рабстве и свободе человека. – М., 2006. – С.5-265.
8. *Карсавин Л.П.* Философия истории. М., 2007, 510 с.
9. *Шиншин М.Ю.* Культура: евразийско-ноосферный аспект изучения // Мир Евразии: история, современность, перспектива: Труды Пятого Международного Евразийского научного форума. – Астана, 2006. – С.49-52.
10. *Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997, 350 с.
11. *Шарковская Н.В.* К вопросу о формировании национального самосознания в трудах представителей классического и современного евразийства // Идеи и реальность евразийства. – Алматы, 1999. – С.42-48.
12. *Инкарбаев Е.* Истоки евразийства: слово и мысли // Евразийское сообщество: общество, политика, культура, 2000, №1, С.3-13.
13. *Лосский Н.О.* Л.П. Карсавин // *Лосский Н.О.* История русской философии. – М., 1991. – С.381-400.
14. *Изотов М.З.* Интегративная функция идеи евразийства в канун XXI века // Идеи и реальность евразийства. – С.95-99.
15. Н. Бердяев о русской философии. – Свердловск, 1991.
16. *Баграмов Э.А.* Евразийство // Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь. – М., 2001. – С.63-65.
17. *Балгимбаев А.С.* Евразия: культура и демократия // Евразия. – 2004. – № 2. – С.3-13.
18. *Савицкий П.Н.* Евразийство // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. – М., 1997. – С.76-94.

19. *Соловьева Г.Г.* Идея Евразии в контексте постклассики // Идеи и реальность евразийства. – С.73-82.

20. *Струве П.* Великая Россия // Русский мир: Сборник. – М., СПб., 2003. – С.786-798.

Түйін

Качеев Д.А. Л.П. Карсавиннің барлығының бірлігі тұжырымдамасындағы соборлық тұлға ретіндегі мемлекет

Аталмаш мақалада Карсавин Л.П. соборлық ілімі көзқарасы тұрғысынан мемлекет қарастырылады. Мемлекет дара адамдарды біріктіретін ең жоғарғы тұлға ретінде түсіндіріледі. Күшті мемлекет қажеттілігін алға тартатын еуразиялық түсінік пен тоталитаризмнің орнығу қаупі арасындағы қайшылық зерттеледі.

Summary

Kacheev D. State as a Person in Conception of All-Unity of L.P. Karsavin

In given article L.P. Karsavin's sights at the state from the point of view of the doctrine about «sobornost» are considered. The state is understood as the higher person including various individualities. The contradiction between the Eurasian position about necessity of the strong state and totalitarianism threat is investigated.

